

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Московские весы
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2469655

Аннотация

«...Все схемы Д. С. Мережковского о мире и бытии могут быть спорными.

Но всегда как будто остаются бесспорными и таинственно-сильными предчувствия Мережковского, его предвкусения будущего.

Он точно видит одни тени будущего, падающие на настоящее...»

Иван Созонтович Лукаш

Московские весы

Статья в «Возрождении» Д. С. Мережковского «Леонардо да Винчи и мы», эта его замечательная речь о духовном кризисе Европы, сказанная во Флоренции 15 мая 1932 года, не канула, разумеется, незамеченной.

Все схемы Д. С. Мережковского о мире и бытии могут быть спорными.

Но всегда как будто остаются бесспорными и таинственно-сильными предчувствия Мережковского, его предвкушения будущего.

Он точно видит одни тени будущего, падающие на настоящее, он видит одно то, о чем Момзен говорил: «Мировые события, двигаясь на землю, бросают перед собой свои тени».

Но вот недавно мне достались разрозненные выпуски журнала «Весы» за 1904–1908 годы, журнала московских символистов, декадентов, как их звали тогдашние газеты.

Какие канувшие времена... «Дядя Ваня», декаденты, «Чайка» – все ушедшее, дотла. Одна дряхлая пыль, трава забвения...

Но внезапно в тощих книжках забытого журнала, в этой гряде, найденной мной у парижских друзей на самой темной книжной полке, встретил я под глубоким слоем пыли такие

удивительные, такие сегодняшние речи:

«Я обратился к Владимиру Сергеевичу (Соловьеву) с вопросом о том, сознательно ли он подчеркивает в «Трех разговорах» слова о тревоге, подобно дымке, опоясавшей мир. И Владимир Сергеевич сказал, что такое подчеркивание с его стороны сознательное. Еще тогда я понял, что дымка, затемняющая духовный взор, падает на Россию, являсь вовне в ужасе войны и междоусобия...»

Это пишет в «Весах» более четверти века тому назад Андрей Белый.

И это показалось мне пророчеством о затмении и ужасе России, которое сбылось на нашей судьбе.

Тогда я стал внимательнее перелистывать пыльный журнал, и странно и зловеще заговорила со мною забвенная декадентская Москва, Москва русских девятисотых годов, точно «Весы» и на самом деле – книга русских сивилл.

«Появились слова Д. С. Мережковского, – четверть века назад пишет Андрей Белый, – об апокалиптической мертвенности европейской жизни, собирающейся явить грядущего хама. Появился новый тип, воплотивший в себе хаос, восставший из глубины, – тип хулигана... И стал красен свет, занавешенный пылью: точно начался мировой пожар... Еще Ницше предвидел накануне своего помешательства всемирно-историческую необходимость всеобщей судороги... Все потонет в море огня».

Но ведь почти те же слова повторяет теперь Д. С. Мереж-

ковский, предрекая «огненную смерть» Европе-Атлантиде, как будто никакого «тридцатилетнего опыта», о чем он пишет в своей статье, ему и не понадобилось.

Так что же такое увидели московские символисты начала девятисотых годов, эти туманноглазые и косноязычные декаденты, эти полуфлорентийцы, получухны, не то полукривляки, не то полукликуши, а может быть, и зловещие русские пророки?..

Нигде в русской литературе нет такого, как бы сказать, инфернального предвидения наших времен, всего того, что творится на наших глазах, как у московских символистов начала века.

То в полной невнятице, то с потрясающей ясностью они только и заняты пересказыванием своих видений.

Они только и делают, что выкликают всеобщую гибель, всеобщую смерть, «маску красной смерти», как вещает А. Белый. Их всех тешит сладкое головокружение на краю бездны, они восхищены неминуемостью общей гибели. Это какое-то демоническое смакование всеобщей обреченности.

И с каким подавленным сердцем теперь встречаешь в старых «Весах» все тот же упорно повторяемый Андреем Белым грозный гоголевский образ России: Россия – это бедная Катерина, которую беспощадно замучит и погубит страшный колдун в красном жупане...

Ведь Россию, действительно, беспощадно замучил красный жупан...

– Пелена черной смерти... занавешивает просыпающуюся Россию... Русская земля! Враг не дремлет. Все изменилось, всему приходит конец... – кричит в 1905 и в 1908 году Андрей Белый.

Но страшнее его выкриканий, но просто подавляют своей подлинно-сатанинской надменностью – темной гордыней – полупризнания в июньских «Весах» 1905 года Валерия Брюсова, те его полупризнания, весь тайный и ужасный смысл которых стал понятен только теперь, после всего пережитого Россией, уже во времена «безымянного русского ужаса», о котором упоминает в своей статье Д. С. Мережковский.

Вот эти демонические признания Брюсова:

«Агриппа Неттестеймский учил, что 1900 год будет одним из великих исторических рубежей, началом нового все-ленского периода, одного из тех периодов, длительностью каждый в 490 лет, сроки которых делят всемирную историю на последовательные царствования семи космических демонов».

Едва ли кто знал в нашем обществе об этих исчислениях старинных чернокнижников; но несомненно, что как раз на меже новой астральной эры были уловлены чуткими душами как бы некие новые содрогания и вибрации в окружающей нас интерпсихической сфере – и восприняты как предвестие какой-то иной, неведомой и грозной эпохи...

Достоевский и Ницше, два новых «властителя наших дум», еще так недавно сошли со сцены, прокричав в уши ми-

ра один свое новое и крайнее «да», другой свое новое и крайнее «нет» – Христу. Это были два глашатая, пригласившие людей разделиться на два стана в ожидании близкой битвы, сплотиться вокруг враждебных знамен. Предвещался, казалось, последний раскол мира – на друзей и врагов Агнца... Дух мистического богоборчества затаился и тлеет на редких очагах демонической культуры...»

И невольно думаешь: не захватил ли теперь, через тридцать лет, этот демонический дух богоотступничества одну шестую часть света и не разгорается ли он теперь всюду темным огнем?

Так, стало быть, – всеобщая гибель, некая «вселенская смазь»?

А в пыльных московских «Весах» – как лепет ночного бреда – то промелькнут вдруг строчки еще почти мальчика Александра Блока, сбывшиеся и на его, и на нашей судьбе:

Будут страшны, будут несказанны,
Неземные маски лиц...

то встретится вдруг такой полубред М. Волошина:
«Свершилось, – пишет Волошин в 1904 году. – Наступает минута возмездия. Это действительность мстит за то, что ее считали слишком простой, слишком понятной.

Русская литература в течение целого столетия вытравила

мечту и требовала изображения действительности, как она есть. На протяжении целого столетия Гоголь и Достоевский одни входили в область мечты. И кто знает, какие ужасы остались неосуществленными благодаря им в начале восьмидесятых годов.

Чехов в своем многоликом муравейнике исчерпал всю будничную тоску русской жизни до дна, и она подошла к концу.

Подымается иная действительность – чудовищная, небывалая, фантастическая, которой не место в реальной жизни, потому что ее место в искусстве. Начинается возмездие за то, что русская литература оскопила мечту народа...»

Страшное обвинение литературы, которая будто бы должна вбирать в себя все сны, бред, все бешенство, все мечты и химеры людей, а когда не вбирает – не отображает плоти в бесплотном, тогда плоть поднимается на все в неистовой страшной мести... Пусть и странная мысль, но ведь и это предчувствие сбылось: действительность на наших глазах поднялась чудовищной, небывалой, фантастической...

Вот и Розанов в «Весах», на этот раз кривляющийся и со страшным шутовским бормотанием о собственных похоронах:

«Я хотел бы (в предупреждение микробов), чтобы меня обмакнули в коллодиум или в часто употреблявшийся мною при жизни гуммиарабик, хотя, впрочем, «куда бы старый

хлам ни выбросили – решительно все равно...»

Так они и выбросили его старое, иссохшее от голода тело...

Вот, наконец, и молодой Д. С. Мережковский девятисо-
тых годов.

Я нашел в «Весах» куски его известной статьи о Достоевском «Пророк русской революции», его заметку о Герцене.

Страннее всего, что и тридцать лет тому назад, еще до великого «опыта», Д. С. Мережковский выкликал и пророчествовал почти совершенно то же и почти совершенно так же, как и теперь.

«Последнее *худо* уже начинается», – пишет он в «Весах» 1906 года. Слова о «худе» он мог бы повторить и теперь.

В тех же старых «Весах» явственнее и ужаснее читается его известное теперешнее пророчество о гибели Европы-Атлантиды:

«Вся Европы – только затонувший материк, древняя Атлантида, которую зальет волнами русский океан».

Русский океан, с его отвратительной достоевщиной, с его крестьянином, который «так и не сделался христианином», был тогда для Мережковского – бездной богоотступничества, мертвой водой:

«Мы упали в яму, которую рыли другим, – писал тогда Д. С. Мережковский. – В то время, когда думали, что вселенная – труп, мы сами были уже почти трупом, в то время, как мечтали «русским Христом» воскресить вселенную, от нас

самих уже отступил Христос...»

Как будто бы все именно так и совершается, мертвые волны мертвой России, от которой отступил Христос, вот-вот готовы как будто захлестнуть эту померкшую Атлантиду-Европу.

И тогда все впадет в последнюю тьму, в последнюю смерть.

Но так ли все это?

Истина ли все эти тридцать лет московских выкриканий, вещунств, тридцать лет inferнальных видений, всеобщей гибели, тридцать лет проповеди полного человеческого безволия перед обреченностью, это постоянное сеяние страха смертного, вместе с попыткой, по словам Д. С. Мережковского, сочетания «верхнего неба» с «нижним», Христа с Антихристом?

Нет, не истина, не правда, а «кощунство», «смешная и страшная нелепость и глубокая ложь», о которой открыто и сказал теперь сам Д. С. Мережковский в своей флорентийской речи. Как будто только теперь открывается ему Истинный Агнец, противоборец смерти, Вечный Жизнедавец. Вечная Воля к преодолению смерти.

Поэтому-то могут еще быть и будут в мире новые утверждения воли к жизни и новое вдохновение о жизни, потому что и могут еще наступить времена не всеобщей гибели, а того Третьего Царства Духа Святого, которое предрекал ко-

гда-то сам же Д. С. Мережковский, как бы забывший теперь о своем пророчестве.

Московские весы... Как видно, никто, даже и наши русские сивиллы, не знают, куда еще качнутся чаши московских весов.

Именно потому, что не знают, и нашлось во флорентийской речи Д. С. Мережковского место для таких слов:

«Сейчас Россия молчит, погребенная заживо, но когда встанет из гроба, освободится, то произнесет имя Христа, может быть, так, что его услышит мир».

Так, стало быть, не всеобщую гибель Европе-Атлантиде несут волны русского океана, а всеобщее и новое воскресение во Христе? Как видно, одно понятно и одно ведомо: только тогда установится судьба мира и наша судьба, когда в божественном равновесии станут чаши московских весов.